

Светлой памяти доктора Элияху (Эли) Розенберга, который на протяжении многих лет внимательно следил за моим исследованием и оказал финансовую поддержку в издании книги на английском языке. Он пошел по стопам своего прадеда Хаима Кагана, став геологом и пионером нефтегазовой разведки в Израиле. Именно ему принадлежит заслуга обнаружения в 1999 году первого в Израиле морского газового месторождения Ноа, что положило начало открытию многих других месторождений газа в Средиземном море.

Ноа Розенберг

In memoriam: Эли Розенберг

Я глубоко тронута тем, что могу написать предисловие к книге об истории моей семьи, начиная с ее родоначальника, моего прапрадеда Хаима Кагана, ушедшего из жизни 100 лет назад. Память о его поразительных делах и трудах до сих пор живет в кругу его потомков, спустя шесть поколений. Его предпринимательская деятельность началась в конце XIX века с небольшого нефтеперерабатывающего завода и торговли нефтью в конкуренции с крупной компанией «Бранобель» — предприятием братьев Людвиг и Роберта Нобелей в дореволюционном Баку. В 1912 году последовала покупка нефтяных месторождений компании «Петроль» в Баку, а дети Хаима Кагана в годы Веймарской республики основали в Берлине нефтяную компанию *Nitag* и интегрировали ее в европейскую нефтяную сеть с собственным танкерным флотом. Непростая судьба нефтепромышленных предприятий Каганов, как и участие семьи в сионистском проекте, описаны в этой книге историком Вереной Дорн.

Мне выпала честь написать предисловие как к русскому, так и к английскому переводам этой книги. Перевод на английский язык был задуман и первоначально профинансирован моим покойным отцом Элияху Розенбергом, одним из правнуков Хаима Кагана. Это предисловие — дань памяти и уважения моему дорогому и любимому отцу, сердце которого остановилось, когда ему было 92 года, за несколько месяцев до завершения работы над английским переводом.

Доктор Элияху Розенберг основал компанию *Nitag* в Берлине в начале 2000-х годов, семь десятилетий спустя после того, как в годы нацистского режима семья Каганов была изгнана из основанного ими предприятия. Как геолог, мой отец участвовал в разведке нефти по всему миру. Созданная им в Берлине фирма *Nitag* должна была расширить сферу поиска нефти и газа в Европе. Он был убежден: геология не знает политических границ.

Нельзя не заметить множество общих черт, объединяющих Хаима Кагана (для всех его потомков — «дедушку Хаима») и его правнука Элияху Розенберга. Оба они, дальновидные и предприимчивые, стали первопроходцами на рынке энергоносителей (нефти и газа) и на этом сделали свое состояние. Хаим Каган, еврей из штетла, во второй половине XIX века уже торговал нефтью из азербайджанской столицы Баку, был пионером в деле продаж горючих масел в России, а его праправнук геолог — в разведке и открытии газа в Средиземноморье. Оба были щедрыми людьми, с большим сердцем и открытой душой, которые видели в своем богатстве возможность делиться с другими, они старались делать это незаметно, вдали от посторонних глаз. Они никогда не забывали о трудных временах. Оба были честными, открытыми, правдивыми, с безупречной репутацией.

Элияху Розенберг родился в Берлине, в 1960 году защитил докторскую диссертацию по геологии в Цюрихском университете по теме «Геологическое обследование гор Нафтали (северная оконечность Гхора, Изариль)». Спустя десятилетия он узнал, что историк Верена Дорн хотела бы написать книгу о роли Хаима Кагана и его семерых детей как в нефтепромышленности, так и в сионистском движении, а также в деле возрождения иврита. Несмотря на то что отец хорошо знал немецкий, он предложил помощь в переводе книги с немецкого на английский — для потомков Хаима Кагана, большинство из которых живет в Израиле, а несколько семей — в США. Верный своему слову, Розенберг первым внес важный вклад в осуществление своего заветного желания — увековечить труд разных поколений Каганов и передать память о нем всем потомкам Хаима.

Именно поэтому мне кажется справедливым, что эта книга, несмотря на то что сам Эли Розенберг не дожил до ее завершения, посвящена ему.

Я живо помню разговор с отцом несколько лет назад, когда он случайно увидел две статьи о Хаиме Кагане, его прадеде, напечатанные в номерах за 1917 год ежеквартального издания на иврите *HeAvar*, основанного семьей в Петербурге. Мой отец был взволнован и, казалось, переполнен чувством близости с предком. Когда я сказала отцу, что его восторг, быть может, вызван сходством с прадедом, который был источником его собственного вдохновения, он тут же со свойственной ему скромностью отверг это предположение.

При этом отец объяснил, что дедушка Хаим был «провидцем, опередившим свое время в осознании потенциала нефти, открывшегося после первых разработок в Америке». Он рассказал о чрезвычайной щедрости деда, многочисленных пожертвованиях и способности порождать идеи. Он привел цитату из статьи о Хаиме Кагане: «Многие получали от него помощь, но отношения между ними оставались очень простыми, так что невозможно было определить, кто был благодетелем, а кто получателем» (так писал Меир Аронсон в *HeAvar* в 1917 году). Мой отец добавил, что Хаим Каган иногда делал пожертвования, не считаясь с мнением сыновей. Я улыбнулась. Тогда он вспомнил известную в нашей семье историю о том, как дедушка отозвался на просьбу о большом пожертвовании в тот момент, когда сильный пожар уничтожил значительную часть его имущества. Сыновья встревожились, увидев, что отец продолжает помогать нуждающимся, несмотря на пожар. Дед Хаим ответил: «Да, много денег превратилось в дым, так что вы просто представьте, что сгорело еще немного». Этот урок семейных традиций дал мне понимание, почему отец восхищался человеческими ценностями и образом жизни прадеда и как он усвоил их, ощутив генетическую связь поколений. Более того, его волнение при рассказе об этом напомнило мне о его собственной щедрости и о глубокой, невидимой связи между ним и его прадедом.

Я почувствовала подспудную связь с глубоким, древним геологическим слоем, который соединял их обоих: моего отца Элияху Розенберга и деда Хаима Кагана.

Элияху родился в 1928 году в Берлине в семье Суламифи (урожденной Гурвиц) и Наума Розенберга, внука Хаима Кагана (по материнской линии). В возрасте пяти лет он вместе с любимой семьей (родителями и старшим братом Михаэлем) переселился в Палестину, ныне Израиль, считавшийся тогда «национальной вотчиной еврейского народа» под британским мандатом.

В конце книги Верены Дорн отмечается, что из всех потомков Хаима Кагана именно его правнук, Элияху Розенберг, продолжил дело деда — изучение геологии нефти и газа. Розенберг был геологом, пионером в разведке нефти и газа в особой экономической зоне Израиля. Он основал нефтегазоразведочную компанию *Avner*, название которой составлено из начальных букв его полного имени на иврите. Именно он открыл первое в Израиле морское газовое месторождение Ноа, ставшее предвестником дальнейших газовых открытий в акватории Средиземного моря. Волнующая кульминация наступила на Хануку, 25 декабря 2003 года, когда началась разработка месторождения на шельфе. Газ пошел с морской платформы к израильскому берегу, электростанции в Ашкелоне, и в центре страны зажегся свет. Глубокое понимание геологических и геофизических особенностей газовых залежей, уникальная интерпретация необычных явлений, обнаруженных в ходе разведки, — все это позволило Эли Розенбергу обеспечить страну газом. «Благодаря Эли Израиль вышел из тьмы и обрел свет» — так было сказано о нем в некрологе в мае 2020 года.

В заключение хотелось бы отметить еще одну общую черту Хаима Кагана и Элияху Розенберга. Как пишет Меир Аронсон в своем рассказе о Хаиме в газете *HaAvar*, «...он никогда не сливался с большинством, с толпой, никогда не ассимилировался. Он скорее стоял в стороне, отдельно от всех. Он искал людей, близких его сердцу, с кем мог бы поговорить в тихом углу. Он был

одиноккой и человеком самодостаточным, наделенным благородным духом, его душа жаждала одиночества».

Полвека спустя третий президент Израиля Залман Шазар обратился к Эли Розенбергу, пытавшемуся во время торжественного мероприятия спрятаться в толпе. Он попросил его занять место рядом с президентом, с чувством произнеся: «Даже если вы геолог, не прячьтесь среди камней»¹.

---

¹ Отсылка к библейской фразе, сказанной царю Салу: «Вот он, прячется среди поклажи» (Книга Самуила 10:22). — *Прим. авт.*

Глава 1

В заключении. Яков Каган

Берлин

Сентябрь 1914 года. Уже полтора месяца в Европе бушует война. Якову, судя по всему, трудно было осознать произошедшее. Еще в июне семья отправилась отдыхать. Родители, оба брата, он сам, бабушка с дедушкой, тети, дяди, двоюродные братья и сестры — все приехали из разных городов: Петербурга, Харькова, Баку, Екатеринослава, Берлина, чтобы, как и прежде, по традиции буржуазной еврейской семьи, разбросанной по городам и весям, провести лето вместе или хотя бы быть недалеко друг от друга. Большинство из них собрались в районе Рейнланд-Гессен-Франконского треугольника. Родители на этот раз остановились в Висбадене, Розенберги — в Бад-Киссингене, бабушка с дедушкой — в Бад-Нойенаре. В Висбадене Яков научился кататься на велосипеде — незадолго до того, как семье пришлось прервать отпуск из-за начавшейся войны. Последние полгода были насыщены событиями и казались почти нереальными — сначала неожиданный переезд кузины Розы из Варшавы в Берлин в конце декабря, затем в апреле путешествие в Египет и Палестину с родителями, бабушкой и дедушкой, встреча с братом в Яффе, потом война, разразившаяся в самый разгар летних каникул, и вынужденная поездка в Берлин. При этом он только-только успешно завершил второй семестр в Мюнхене. И вот теперь оказался под арестом. Одиночные камеры в городской административной тюрьме на Дирксенштрассе, районе Берлин-Митте, комфортными назвать нельзя. Студент Яков из состоятельной буржуазной семьи в одночасье стал заключенным. Он был арестован как «иностранец из вражеской страны». Единственный,

кто мог бы помочь ему выбраться, это дедушка, но тот был далеко, где-то на просторах Российской империи — в Петербурге, Харькове, Саратове, Кисловодске или Баку.

Объявление войны Сербии со стороны Австро-Венгрии 28 июля 1914 года подействовало угнетающе на еврейских курортников, страшные вести о политических событиях разрушили идиллический покой пребывания на водах. Из-за расстроившегося железнодорожного и почтового сообщения новости, телеграммы и газеты, которых именно теперь с таким нетерпением ожидали отдыхающие торговцы, фабриканты и банкиры, поступали нерегулярно и с опозданием. Неизвестность вызывала тревогу, ощущавшуюся повсюду: у источников, на променадах, в читальных залах, за обеденными столами. Некоторые собирались группами и бросались изучать лаконичные депеши, нервно размахивали руками. К этому добавилась резкая перемена погоды. Жара сменилась дождями и заметно похолодало.

На следующий день после объявления войны Роза писала из Бад-Киссингена Якову в Висбаден и жаловалась на плохую погоду и пугающую политическую ситуацию: «Война основательно испортила всем настроение, только и слышишь о ней, никто ни о чем другом говорить не может». Яков, как и она, огорченный происходящим, в ответном письме призывал ее не поддаваться унынию, сохранять спокойствие и брать пример с него. Он сам решил использовать это время на то, чтобы научиться кататься на велосипеде, сообщал он.

Когда летом 1914 года Германия поддержала Австро-Венгрию и 1 августа объявила войну Российской империи, семейство Каганов-Розенбергов охватило почти радостное возбуждение. Война сулила долгожданный крах царского режима и вместе с тем вызывала тревогу относительно экономического положения, которое могло пострадать из-за войны в Европе. В тот момент бабушка с дедушкой жили в пансионе *Villa Daheim* в рейнландском Бад-Нойенаре, Яков с родителями и братьями — в *Hotel Ritter*, одном из двух еврейских отелей, славившихся «хорошим управлением с соблюдением всех религиозных традиций», в Висбадене, старом гессенском курорте, а Розенберги — на вилле

Esplanade в баварском Бад-Киссингене. Вспоминая об этом времени, в семье говорили, что тем летом из-за начавшейся войны они «застряли в Германии» и что дедушка, дабы избежать интернирования в менее привлекательные места, снял для всей семьи целую гостиницу. Местная полиция не возражала. Так Каганы и Розенберги поневоле оказались в Бад-Наугейме.

Неожиданно начавшаяся война задержала в Германии тысячи русских евреев, здесь же находились австрийские евреи, высланные из Франции и Бельгии, и палестинские, которые теперь оказались отрезанными от родины. Несколько сотен восточно-европейских евреев, проводивших лето на немецких курортах, собрались в Бад-Наугейме, вспоминал Наум Гольдман. Сам он был студентом без гражданства и евреем из Восточной Европы, его выслали из Франкфурта-на-Майне из-за неповиновения властям, и Наум поселился в этих местах. Всем было разрешено разместиться в гостиницах. Поскольку в основном речь шла о людях состоятельных, то чувствовали они себя вольготно. Арон Каган, дядя Якова, в это время возвращался домой. Сообщение о пожаре на принадлежавшем Каганам нефтеперегонном заводе в Риге, которое он случайно увидел в газете, заставило его поспешить в Россию. В своих воспоминаниях он отмечал, что уже на вокзале, увидев многочисленных солдат, медсестер и представителей Красного Креста, он понял, что положение гораздо более серьезное, чем думалось. Позже Арон писал: «В продолжение всей поездки навстречу нам шли военные поезда, направлявшиеся в сторону границы, а в Гатчине солдаты рассказали, что немцы уже перешли русскую границу. Мировая война началась». Большинству подданных Российской империи, особенно состоятельным, застигнутым войной в Германии, в следующие недели была предоставлена возможность выехать домой, в том числе и Каганам. Отец Якова Барух, брат Наум и дедушка Хаим вместе с родственниками из Баку и Екатеринослава вернулись через Швецию в Российскую империю. Мать Розалия с младшим братом Арусей остались в Германии, как и Розенберги и Бендет Каган с женой и детьми. Обе семьи недавно переехали в Германию, поэтому попасть домой им было проще. Прервав отпуск, они отправились в Берлин.

Самые большие проблемы, судя по всему, возникли у Якова — он был молодым человеком призывного возраста, к тому же подданным вражеской державы, России. Его не только исключили из университета, но и арестовали незадолго до праздников. О том, каким образом он попал из Висбадена в городскую административную тюрьму на Дирксенштрассе, в районе Берлин-Митте, сведения отсутствуют. Известно только, что он находился в заключении. В семейном архиве сохранились открытки, письма и записки, относящиеся к этому времени. Как только стало возможно, Яков установил контакт с семьей, а семья с ним, соблюдая прусские правила: допускались только открытые письма, на официальном немецком языке и без какой бы то ни было критики условий содержания.

В одночасье для 19-летнего Якова вся Германия сузилась до размеров камеры в прусской тюрьме, которую он делил с тремя молодыми евреями из Польши. В той же тюрьме находилось и множество неимущих евреев из Российской империи, которые не могли вернуться домой. Кроме того, существовала опасность перевода в лагерь для интернированных гражданских лиц из вражеских стран в Хольцминдене, где в годы войны тысячи пленников из Франции и Российской империи, ставших заложниками, содержались в нечеловеческих условиях.

То, что все это произошло накануне праздника Рош ха-Шана, Нового года, усугубляло и без того тяжелое положение Якова, иудея, жившего в традиции. Еврейская община помогала справляться с горем. Некий раввин доктор Леви позаботился о духовном и телесном благополучии заключенных в эти праздничные дни. Кроме того, раввин, который жил в Шарлоттенбурге по соседству с Каганами и Розенбергами, передавал семье весточки от Якова. Рассчитывал Яков и на помощь доктора Людвиг Розенталя — ортодоксального раввина и ученого, который пользовался большим уважением в Берлине. Розенталь родился в находившемся под немецким управлением городке Путциге (по-польски Пук) недалеко от Данцига. Он был ровесником деду Якова, его собратом по вере и умонастроению и в каком-то смысле земляком. У деда Хаима Кагана сложились хорошие взаимоотношения с ортодок-

сальными евреями в Германии, которые, в свою очередь, поддерживали тесные контакты с евреями из Восточной Европы. Благодаря посредничеству деда Яков еще до войны жил у Розенталей в доме № 108 на Шоссештрассе и подружился с их семьей.

Я чувствую себя таким одиноким и брошенным. Я очень скучаю без вас. Когда мы снова увидимся? <...> Почему вы мне сегодня ничего не прислали из еды? Вы должны посылать мне каждый день и как можно больше. Хорошо бы получить еще белье и деньги. Благослови вас всех Господь, мои дорогие! Да пошлет он вам всем счастья и уберезет от этих тяжелых времен. Ваш Яков Каган.

В преддверии больших праздников Рош ха-Шана и Иом-кипура верующие больше обычного отстраняются от мирской суеты, проводя время в синагоге и в кругу семьи за общими молитвами, песнопениями и ритуальными трапезами. Особенно в это время тюремная обстановка причиняла Якову невероятные страдания, и он обратился с заявлением к берлинским властям и сделал конкретное предложение по условиям его освобождения. Он обещал в продолжение всей войны находиться в Берлине, не ездить ни в Мюнхен, ни к родителям в Харьков, и сослался на раввина Людвиг Розенталя, авторитет и влияние которого могли служить поручительством. Тем не менее семье не удалось освободить его к Рош ха-Шана. Если не считать коротенькой записки на оборотной стороне тюремного формуляра, которую Яков получил от дяди Бендета вскоре после неудачной попытки освободиться, открытка от кузины Розы была единственным посланием от семьи. «Мы делаем все возможное, чтобы вызволить тебя, и будем надеяться, ты скоро вернешься к нам, — писала она. — Твоя последняя открытка совершенно выбила меня из колеи: ты слишком нервный... Надо постараться, дорогой Яков, надо держаться!» Кузен и кузина — Яков и Рахель, Яша и Розка, как их еще называли, — были связаны особо близкими отношениями. За три года до его 16-летия и ее 13-летия, как рассказывали в семье, на празднике обрезания двоюродного брата Моше Эттингера в Екатинославе они пообещали друг другу, что поженятся.

После Рош ха-Шана Яков из камеры № 584 городской административной тюрьмы снова пишет родным: «Мои дорогие! Праздники закончились! Мы сделали все, чтобы достойно провести их». Он сообщает о том, как 15 человек все вместе под руководством кантора справляли Новый год — молились, трубили в шофор, ели, спали в одной тюремной камере. Община не только направила к ним кантора, но и прислала кошерную мясную еду. Судя по письму, Яков все еще пребывал в ярости и уже не рассчитывал на скорое освобождение, привыкнув к заключению. Впервые семья получила более точное представление о тюремных порядках, о том, что разрешение на посещение следовало получать у коменданта, являться только в установленное время и прочее. Рассказывал Яков и о других арестантах: среди них оказался некий господин с ученой степенью, который находился проездом в Германии, был задержан и лишился своего чемодана; были и те, у кого не было ничего за душой...

Из этого письма становится ясно, на кого возлагали надежды Яков и его семья.

К нам приходили несколько раввинов, — писал он. — Был раввин доктор Мунк. Он очень удивился, увидев меня здесь, потому что думал, что я уже на свободе. Мунк сказал, что доктор Пауль Натан Штрук и Герман Штрук хлопочут обо мне у коменданта, и что меня скоро выпустят, поскольку мой дедушка внес пожертвования на школу Тахкемони, а школа эта под защитой немецкого государства. Правда ли все это? И когда же, наконец, я выйду на свободу?

Раввин Эзра Эзриль Мунк, родившийся в 1867 году в Алтоне и умерший в 1940 году в Иерусалиме, один из выдающихся борцов за ортодоксальное иудейство в Германии, имевший влияние как на земельное правительство, так и на городские и высшие власти в Берлине, регулярно посещал заключенных. С 1900 года он был раввином и председателем раввинатского суда ортодоксальной общины «Аддас Изроэль», как специалист сотрудничал по еврейским делам с министерством культуры и входил во множество еврейских ортодоксальных объединений, где он играл ведущую роль. Семья Каганов-Розенбергов, живя в Берлине, была тесно

связана с общиной «Аддас Изроэль» и знакома с раввином Мунком. По ходатайству доктора Пауля Натана Штрука и Германа Штрука Яков должен был выйти на свободу. Пауль Натан Штрук был известен как основатель и деятельный руководитель «Союза помощи немецким евреям». Кроме того, с 1900 по 1919 год он представлял в городском парламенте Прогрессивную народную партию. В те дни, когда только началась война, по его инициативе были созданы межконфессиональный комитет помощи евреям на оккупированных восточных территориях, а также организация, помогавшая неимущим российским евреям вернуться на родину. На 17 специальных поездах было отправлено около 16 тысяч человек. Художник и график Герман Штрук приобрел известность в Германии в первую очередь благодаря написанным им портретам восточноевропейских евреев и военнопленных. Он входил в круг активных сионистов Мизрахи и был связан с семейством Каганов всю жизнь. За несколько месяцев до начала войны Герман Штрук, Хаим Каган, Йонас Розенберг и Герман Пик — сотрудник Прусской государственной библиотеки и активный член Мизрахи — сидели в шарлоттенбургской квартире, строили планы и обсуждали преобразование школы Тахкемони в гимназию. Такое преобразование стало возможным благодаря щедрому пожертвованию Хаима Кагана, предоставившего солидную сумму в 55 тысяч золотых франков¹. Школа Тахкемони в Яффе уже много лет находилась под патронажем западного центра Мизрахи во Франкфурте-на-Майне и считалась образцовой моделью религиозно-сионистского образования в Палестине. В знак благодарности Герман Штрук написал маслом портрет Хаима Кагана (эта картина — одна из реликвий семьи), причем в двух вариантах — один без кипы, для самого Хаима Кагана, второй — с кипой, для школы. Вскоре после этого Яков вместе с бабушкой и дедушкой побывали в Палестине с группой сионистских политиков. Дедушка хотел посмотреть на школу. Для Якова это было уже второе путешествие в Палестину. В первый раз он познакомился с этой землей летом 1911 года, когда встре-

¹ То есть 44 500 золотых марок. Одна золотая марка по своей покупательной способности в пять раз превышала нынешний евро. — *Прим. авт.*

чался там с родителями. Возможно, они отправили его туда сразу после того, как он уехал из Берлина. Родители хотели, чтобы Яков почувствовал, что такое чужбина и тоска по родине. Но сейчас Яков находился тут с «официальной миссией», в составе «сионистской комиссии», как назвал эту делегацию впоследствии Курт Блуменфельд. Родители выехали раньше. Комиссию возглавлял лично Наум Соколов, генеральный секретарь и член исполнительного комитета сионистской организации. В состав группы входил и Курт Блуменфельд, в то время бывший генеральным секретарем Всемирного сионистского союза. Первая остановка по обыкновению того времени была в Египте. Они осмотрели пирамиды, посетили музей в Каире, а затем добрались на поезде до Порт-Саида, чтобы оттуда отправиться в Яффу на пароходе «Австрийского Ллойда»². От этой поездки сохранился фотоальбом, с маленькими, уже выцветшими фотографиями в темно-серых паспарту с черной окантовкой. Возможно, эти воспоминания помогали Якову скоротать время и разогнать страхи, пока он ждал освобождения. На фотографиях обычные туристические мотивы — пирамиды, верблюды, женщины в парандже, пальмовые рощи, побережье Мертвого моря перед Иудейской пустыней, Средиземноморское побережье возле Яффы с рыбацкими лодками, Старый город, Храмовая гора в Иерусалиме, строящийся Тель-Авив, шатры бедуинов, железная дорога из Яффы в Иерусалим... Несколько личных снимков — мама на верблюде, бабушка в дрожках, родители на галерее какого-то дома, автопортрет. Здесь же и некоторые официальные кадры: бабушка среди членов сионистской комиссии во время визита в школу Тахкемони — в основном мужчины, с достоинством смотрящие в камеру. На одной из таких фотографий и Яков — в заднем ряду. Он, судя по всему, присутствовал на всех важных встречах деда. Особенно интересной, как писал он матери, оказалась встреча в Константинополе на пути домой — с хам-баши Хаимом Наумом Эффенди, главным раввином Османской империи. Ведь дед не только дал деньги на школу, но

² Крупнейшая австро-венгерская судоходная компания. — *Прим. ред.*

и участвовал в покупке земель в Палестине. Обрато Яков ехал тоже вместе с бабушкой и дедушкой, целую неделю, через Порт-Саид, Александрию, Салоники, Константинополь, Софию и Вену. Хаим и Малка Каганы оттуда отправились в Берлин, он же — в Мюнхен, тогда как родители остались еще на две недели в Палестине, до второй половины мая, и вернулись позже вместе с братом Арусей. В апреле 1914 года Герман Штрук послал Хаиму Кагану открытку с гравюрой, сделанной им самим. Герман писал: «Уважаемый господин Каган, я был весьма обрадован, услышав от вашей семьи, что путешествие ваше проходит благополучно. Надеюсь, вы пребываете в добром здравии и можете заняться там нашим великим делом. С наилучшими пожеланиями и сердечным приветом, преданный вам Герман Штрук». Теперь, в начале войны, пока Яков сидел в тюрьме, Штрук вошел в Комитет помощи еврейским изгнанникам Сионистского союза Германии.

Кузина Роза немедленно ответила на письмо Якова открыткой. «Мне кажется, ты стал теперь спокойнее, и это очень радует меня. У нас ничего нового», — писала она, заверив Якова в очередной раз в свой любви и упомянув некоторых родственников и общих друзей в Берлине: братьев, кузенов и кузин, подруг Трудю и Розу, дочерей раввина Розенталя, обеспечивших вхождение Каганов и Розенбергов в еврейско-немецкое сообщество. Впервые упоминается имя брата Розы — Номы, который в небольшом добавлении, написанном готическим шрифтом, передавал привет. До сих пор Берлин был связан для Якова с воспоминаниями о Розе Розенталя. Во время его первого пребывания в этом городе она была ему и кузиной, и матерью, заменяя собой, можно сказать, всю семью, по которой он сильно тосковал. Прошло уже почти четыре года, с тех пор как родители отправили его, 15-летнего подростка, из Харькова в Берлин, чтобы он по примеру отца, переехавшего в свое время во Франкфурт-на-Майне, смог продолжить образование, начатое в Антверпене. В Берлине он жил в доме раввина Розенталя и готовился к вступительным экзаменам в Доротеенштадтскую реальную гимназию. Экзамены он сдал, но едва приступил к занятиям, как сразу отправился в Харьков. В отличие от Антверпена, где он хотя и жил на чуж-

бине, но все же в кругу семьи, в Берлине он был совсем один. На фотографии 1910 года, сделанной, по всей видимости, в берлинской школе, мы видим долговязого подростка с несколько растерянным взглядом, в двубортной тужурке. Стоячий воротник и галстук плотно прилегают к шее.

Яков помнил ясные глаза Розы, ее доброту и нежность. Совсем недавно в одном из писем она призналась в своих симпатиях к нему, назвала его «дорогим братцем Яковом» и с восхищением вспоминала «черноволосого высокого Яшу с черными глазами мечтателя». Теперь же она вышла замуж за торговца Йозефа Лангера и жила в своей собственной квартире в Шёнеберге. Но тогда, окрыленный ее признанием, Яков, преодолев застенчивость и с трудом формулируя немецкие фразы, ответил ей письмом. Он открыл свои чувства, а письмо, наверное, потому и сохранилось, что было тщательно переписано набело. Его душа, писал он, тянется к ней, как цветок тянется к солнцу. Роза ответила, нарисовав идиллическую картину, как они встретятся в Палестине, стране ее мечты, где Яша будет министром, а она явится к нему на прием. Любовь, которую Яков испытывал по отношению к Розе Розенталь, была явно эротического свойства с оттенком любви к матери. Их связь сохранялась и после помолвки Якова с кузиной Розой Розенберг.

Наконец, пришла весточка и от матери. Она находилась в Берлине, в Шарлоттенбурге, и написала письмо — вероятно, вполне сознательно — на фирменном бланке Макса Лева — «генерального представителя “Русско-Балтийского нефтеперерабатывающего предприятия АГ” в Санкт-Петербурге». Это письмо подчеркивало статус Якова как члена российской семьи предпринимателей с проверенными деловыми связями в Германии. Макс Лев выступал в роли главного агента семейного предприятия в Берлине и был одним из значимых лиц в этой сфере. Мать писала: «Дорогой мой сын! Я прочитала твои открытки. Как все это неожиданно! Я ведь прекрасно знаю, что ты невиновен. Уверяю тебя, мы все ожидали твоего скорейшего освобождения, потому я не посылала тебе ни вещей, ни еды». В некоторых местах буквы были размыты от слез.

Яков написал своей семье семь открыток и писем из тюрьмы с просьбой о помощи, все карандашом (чернила у него кончились

на середине первой открытки), поэтому со временем текст выцвел. Мать, кузина и дядя присылали ему в ответ открытки, письма и записки. Корреспонденция эта хранилась в двух пачках, находившихся в разных местах. Для меня было огромной радостью объединить их. В силу того что переписка проходила прусскую цензуру, все открытки и письма были на немецком, то есть на чужом для Каганов языке. В письмах Якова говорится не только о страхах и тяготах, но и о радостях, связанных с получением продуктовых посылок, и прочих приятных вещах.

Моя дорогая любимая мама! Только что получил твое письмо и чемодан с вещами и продуктами, которые ты мне послала. Спасибо тебе несказанное за это! Сегодня я был в мрачном состоянии духа, потому что от вас не было никаких известий. Теперь я утешился и буду терпеливо ждать освобождения, которое, смею надеяться, произойдет на этой неделе. Настроение и у меня, и у моих товарищей по камере, приподнятое — благодаря радостной вести.

Судя по всему, и в заключении Яков находился в привилегированном положении. Он прилагал все силы к тому, чтобы быть примерным евреем, и ходатайствовал за своих сокамерников. Вместе с тем за его словами скрывались тоска по привычному довоенному времени и желание хотя бы издали участвовать в семейной жизни, пусть и символически, получая милые подарки от кузины и матери, которые прилагались к их письмам: открытка и письмецо в миниатюрном голубом конверте от Розы, а также очередное послание от матери на том же фирменном бланке Макса Лева. С приближением очередного большого праздника, Иом-кипура, праздника покаяния и отпущения грехов, возрастали нетерпение и тревога: отпустят ли Якова на свободу и если да, то когда.

Дорогой Яков! Приветствую и обнимаю тебя! Посылаю продукты, шахматы и белье, как ты просил. Угощайся. Приятного аппетита! Напиши несколько слов и отправь письмо, если получится. Роза». — «Дорогой мой любимый сын Яша! Посылаю тебе масло и бутылку молока, немного

фруктов, а также тфилин. Как твой насморк? У тебя ведь есть теплая куртка. О тебе очень хлопочут, и мы все надеемся обнять тебя на Эрев Иом-кипур. Дай Бог! — Махзор, который я тебе послала, пожалуйста, верни мне. Потому что он тебе не понадобится. Буду ждать.

На всякий случай мать приписала и обязательные пожелания к празднику: *chatima tova* — благополучного завершения Книги Жизни, то есть снятия всякой вины по отношению к другим, и легкого поста — *ta'anit*.

После окончания гимназии в Харькове Яков в сентябре 1913 года снова приехал в Берлин, чтобы продолжить обучение, и оказался тут почти одновременно с дядей Бенедиктом Каганом, который по поручению деда снял девятикомнатную квартиру в районе Шарлоттенбург на Шлютерштрассе, № 36. Но Яков предпочел тогда снова поселиться у Розенталей на Шоссештрассе. Когда Университет имени Фридриха Вильгельма отклонил его заявление, отец, находившийся в этот момент на отдыхе в Мера-но, посоветовал ему поехать на учебу в Англию, Францию или Италию, но Яков выбрал Мюнхен. Ему было нелегко соответствовать ожиданиям, которые связывали с ним как со старшим сыном родители и дедушки с бабушками. К этому добавлялись непростое политическое положение и ограничения, которые накладывались на него как на российского гражданина и еврея.

При этом Яков довольно долго, насколько было возможно, находился под защитой семьи, пользуясь соответствующими привилегиями. И в тюрьме он продолжал жить на широкую ногу. Он заботился о том, чтобы не испытывать нужды ни телом, ни духом и старался помочь и своим сокамерникам. Это придавало ему сил и поддерживало чувство уверенности в себе. У него все было под контролем. Он просил у семьи деньги, чтобы иметь возможность покупать для себя и своих товарищей по заключению продукты и оплачивать разные услуги. Яков и еще один сокамерник получали обед из находившегося неподалеку ресторана на Бургштрассе — деловой улице старого Берлина, идущей вдоль Шпрее, против Королевского дворца, где находились

Биржа и знаменитые *Cassels Hotel*, *König von Portugal* и *Börsen-Hotel*. Там жили коммерсанты, агенты и биржевые маклеры, заглядывали сюда и простые обыватели. В 1914 году уже не было находящегося под патронажем иудейской общины Берлина кошерного *Cassels Hotel & Restaurant*, во главе которого стоял Леопольд Пелтесон и в котором когда-то имел обыкновение обедать студент Самми Гронеман со своими сокурсниками из раввинской семинарии. Гостиница и ресторан перешли в собственность *König von Portugal* под руководством виноторговца Рихтера, но и при сменившемся владельце в заведении, где имелась домашняя синагога, предлагалась «строго ритуальная кухня» и соблюдались иудейские традиции. Кроме того, в доме № 20 по Бургштрассе находился *Burg-Hotel*, принадлежавший С. Левину. Яков заказывал обеды в обоих заведениях.

27.IX.1914. Административная тюрьма. Моя дорогая мама! Всего лишь полчаса назад я отдал надсмотрщику вчерашнее письмо и снова пишу тебе — я кое-что вспомнил. Жилетка, которую я заказал, это та, что от моего черного костюма, пошитого еще Харькове. Он лежит в большом чемодане. Зеркало мне не нужно, потому что у меня есть зеркало в ящичке для мыла. Кроме того, я хотел бы получить небольшую спиртовку и легкий ковшик. И еще ложку с ситечком для чая. Только по утрам я пью горячий кофе, но иногда мне хотелось бы согреться и днем. Даже если меня освободят, моим товарищам все это очень пригодится. Хотелось бы получить и книги, что-нибудь серьезное, Ницше или «Пробуждение весны» Ведекинда! У вас множество русских книг из «Универсальной библиотеки». Я мог бы дать почитать их моим товарищам. Тебе, наверно, покажется странным, что я прошу так много вещей, как будто собираюсь пробыть тут еще месяц. Но кто знает? Неделю назад тут побывал дядя, чтобы забрать меня, и написал, что на следующий день меня освободят, но я по-прежнему тут. Если я не выйду до Иом-кипура, то обязательно навести меня во вторник часов в 10–11. Вещи, о которых я прошу, ты можешь частично передать завтра, частично принести на свидание. Было бы хорошо, если бы ты послала мне продуктов и фруктов. С сердечным приветом, твой Яша.

Если не считать спиртовки, ковшика, ситечка, шахмат, белья и теплой одежды, то в основном Яков просил прислать ему книги. Он увлекался литературой и потому начал изучать филологию. Его пожелания относительно книг говорят о том, что его вкусы не отличались от вкусов сверстников в Германии, при этом он обращался и к классической русской литературе. Идиш был его родным языком, иврит считался обязательным для сиониста-литвака. Сам Яков родился в Варшаве, но семья была родом из северо-западной приграничной области Российской империи, *kresy*³ по-польски — особого района, в котором петербургскому правительству удавалось с большим трудом удерживать позиции. Переменчивая история этого российско-белорусско-польско-литовского региона яркое свидетельство тому. Границы тут постоянно произвольно смещались. Эти границы пересекали в *kresy* культурные ландшафты с этноконфессиональной чересполосицей. Еврейская диаспора более шести столетий — начиная с XIV века и до ее распада, связанного с уничтожением евреев в результате холокоста, — занимала здесь важное место. Евреев, живших в Литве с соблюдением раввинской традиции, называли литваками. Каганы были литваками.

Способность говорить на нескольких языках и жить в разных культурных кругах составляла капитал Якова, который обладал не меньшей ценностью, чем финансовая состоятельность его семьи. Главной опорой жизни Якова была иудейская традиция. Но как ему удавалось сочетать чтение Ницше и Ведекинда с их бунтом, общественной критикой, индивидуализмом и скептицизмом с жизнью, подчиненной иудаизму?

29.IX.1914. יום כיפור⁴. Мои дорогие! Сегодня меня и нескольких товарищей вызвал к себе лейтенант, который сообщил нам, что нас отпускают. Он выразил сожаление, что не может нам сразу предоставить постановление об освобождении, но заверил, что сделает все от него зависящее, будет телеграфировать, чтобы мы вышли на свободу

³ Пограничье (польск.).

⁴ Эрев <Иом-кипур> (иврит).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru